

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ІОАННЪ,

ЕПИСКОПЪ СМОЛЕНСКІЙ,

КАКЪ ПРОПОВѢДНИКЪ.

«Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна, епископа смоленскаго, сказанныя
смоленской паствѣ». Смоленскъ. 1871 г.

Одинъ изъ усердныхъ почитателей памяти и таланта преосвященнаго Іоанна, нѣкто г. Н. Б., пользуясь позволеніемъ его наслѣдниковъ, собралъ и издалъ плоды его проповѣднической дѣятельности въ Смоленскѣ—«бесѣды, поученія и рѣчи», помѣщенные въ разное время, по мѣрѣ произнесенія, въ мало кому извѣстныхъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Нельзя не пожалѣть, конечно, что почтенный издатель не внесъ въ свой сборникъ проповѣдей предшествовавшаго, болѣе блестящаго періода проповѣднической дѣятельности преосвящ. Іоанна,—нельзя не пожалѣть тѣмъ болѣе, что перепечатка ихъ изъ «Христіанскаго Чтенія» и «Православнаго Собесѣдника» не представила бы большаго труда; тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что любители духовно-назидательнаго чтенія будутъ благодарны ему и за то, что онъ сдѣлалъ. Издания г. Н. Б. проповѣди преосв. Іоанна нѣсколько слабѣе или, говоря точнѣе, проще, низменнѣе, ординарнѣе, чѣмъ проповѣди, сказанныя въ

Петербургъ и особенно въ Казани, создавшія его проповѣдническую знаменитость, и перепечатанныя въ свое время въ свѣтскія газеты и даже, въ качествѣ образцовъ церковнаго краснорѣчія, въ учебныя христоматіи (гг. Галахова и Филонова). Прежде всего, конечно, это зависѣло отъ характера паствы, предъ которою проповѣдывалъ преосв. Іоаннъ въ Смоленскѣ. Епископскій санъ проповѣдника, съ другой стороны, какъ извѣстно, дѣлаетъ авторитетнымъ его слово и независимо отъ блестящихъ ораторскихъ красотъ и до нѣкоторой степени уполномочиваетъ его меньше заботиться о внѣшнемъ изяществѣ слова. Наконецъ, изъ напечатанныхъ въ настоящемъ сборникѣ проповѣдей многія говорились одна за другою каждый день (напримѣръ проповѣди на дни страстной седмицы), такъ, что проповѣднику не было, можетъ быть, и времени на болѣе тщательную обработку ихъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на все вышесказанное, оригинальная даровитость нашего знаменитаго оратора бьетъ и въ нихъ роскошною и обильною струею, и прекрасныя качества ораторскаго таланта преосв. Іоанна, въ большей или меньшей мѣрѣ, сказываются въ каждомъ изъ настоящихъ его поученій.

Преосв. Іоаннъ на самой первой порѣ своей проповѣднической дѣятельности, какъ извѣстно, является новаторомъ въ области церковнаго слова. Онъ привнесъ въ современную проповѣдь и сдѣлалъ въ ней господствующимъ такъ называемый публицистическій элементъ. Начиная съ самыхъ первыхъ его проповѣдей, появившихся въ печати съ именемъ проповѣдника, — каковы: «слово въ педѣлю православія и

на день торжественнаго вступленія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича» ⁽¹⁾ и

(1) Произнесено въ казанскомъ соборѣ 24 февраля 1856 года. Это былъ первый опытъ проповѣди преосв. Іоанна въ томъ родѣ, какой впоследствии составилъ его славу. (Проповѣди, говоренныя до этого времени, въ бытность проповѣдника бакалавромъ, потомъ профессоромъ и инспекторомъ с.-петерб. академіи, при всемъ своемъ достоинствѣ имѣли предметомъ болѣе или менѣе общіе вопросы догматики и морали). Послѣ небольшого вступленія выразивши мысль, что «народное просвѣщеніе, развитіе жизни общественной, жизнь по современнымъ идеямъ гражданственности, промышленности, разнообразной изобрѣтательности» суть тѣ предметы, на которые «направлены общія мысли и стремленія въ нашемъ отечествѣ»,—проповѣдникъ задаетъ себѣ вопросъ: «какъ мыслить объ этихъ предметахъ, объ этихъ стремленіяхъ церковь?» и, отвѣчая на него, развиваетъ тотъ свой взглядъ на взаимныя отношенія ученія церкви и идей гражданственности, какой подробнѣе, во всѣхъ частностяхъ, развиваетъ въ послѣдующихъ своихъ проповѣдяхъ. Здѣсь же впервые высказана его любимая мысль, основной старо-славянофильскій принципъ, который такъ часто повторяетъ онъ потомъ: «для Россіи есть своя самобытная школа и ограда истиннаго просвѣщенія—церковь, которая изъ начала воспитала и возростила отечество наше въ своихъ недрахъ: доколѣ отечество сохранило свой духовный союзъ и единеніе съ церковію, доколѣ пребудетъ въ немъ истинный свѣтъ и тѣмъ его не обыметъ»... Мы живо помнимъ громадное впечатлѣніе, произведенное этою проповѣдію на слушателей. По окончаніи обѣдни и молебна, толпа лицъ, стоявшихъ на клиросѣ, съ лентами черезъ плечо и въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, окружила проповѣдника, испрашивая благословенія или просто пожимая ему руки. Была ли то простая, случайная, безпричинная и безцѣльная великосвѣтская любезность, или проповѣднику удалось серьезно затронуть мысль и чувство «благорожденныхъ слушателей» (обычное обращеніе преосв. Іоанна въ проповѣдяхъ, сказанныхъ при дворянскихъ выборахъ), какъ бы то ни было, проповѣдникъ, согласно просьбамъ этихъ лицъ, въ тотъ же, кажется, день отослалъ свою проповѣдь въ типографію для напечатанія, сдѣлавъ, согласно замѣчаніямъ покойнаго высокопреосв. митрополита Григорія, строгаго пуриста въ словоупотребленіи, замѣну нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ русскими. Такъ, мы помнимъ, въ заключительной фразѣ проповѣди: «*пусть же такія мысли и правила, именно такія, а не иныя, отъ края до края движутся по желѣзнымъ дорогамъ, передаются по телеграфамъ*» и проч., слова: *по телеграфамъ*, замѣнены фразой: «*по желѣзнымъ скороговорнымъ нитямъ*». Отдавая проповѣдь въ печать, проповѣдникъ (въ то время ректоръ спб. семинаріи), въ качествѣ члена

слова «о христіанскомъ просвѣщеніи народа» (съ знаменитымъ «народъ, помни Бога!»), всѣ проповѣди его, сказанныя до посвященія его въ санъ епископа, имѣють своимъ предметомъ обсужденіе, съ религіозной точки зрѣнія, того или другаго капитальнаго современнаго вопроса и представляютъ всегда своеобразное, остроумное и глубоко-основательное его рѣшеніе. Таковъ же характеръ и настоящихъ его «бесѣдъ, поученій и рѣчей». Содержаніе почти всѣхъ ихъ составляетъ опять рѣшеніе, съ религіозной точки зрѣнія, современныхъ общественныхъ вопросовъ, занимающихъ образованный русскій міръ. Въ последнее время, правда, и всѣ наши проповѣдники болѣе или менѣе живо сознають необходимость привнести въ свою проповѣдь элементъ современности; рѣдко въ настоящее время услышите «слово», въ которомъ бы не упоминалось «настоящее время, когда...» и проч. Но большею частію это затрогиваніе современности оказывается риторической фигурой, прикрасой, невинною военной хитростію, для того, чтобы привлечь вниманіе слушателей къ своей проповѣди. Трактовать въ цѣломъ словѣ одинъ какой-нибудь современный общественный вопросъ оказывается большею частію не по силамъ нашимъ зауряднымъ про-

духовно-цензурнаго комитета, не считъ нужнымъ испрашивать на то особаго разрѣшенія цензуры. Между тѣмъ, по недоразумѣнію въ типографіи, по отпечатаніи, на оберточномъ листкѣ брошюры, оказалась обычная надпись цензурнаго комитета, за подписью «цензора преемника Карпова». Это обстоятельство стоило преосв. Іоанну не малыхъ хлопотъ и непріятностей... Рукопись была отпечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и, не бывъ пущена въ продажу, быстро разошлась, такъ что проповѣдь стала распространяться въ спискахъ; о ней заговорили «въ обществѣ», «въ свѣтѣ», и въ продолженіе нѣкотораго времени проповѣдникъ былъ «героемъ дня».

повѣдникамъ, и, кое-какъ прицѣпивъ въ своему «слову» въ приступѣ, или заключеніи, современность, «настоящее время, когда...», они затѣмъ безъ особеннаго труда обращаются исключительно къ какой-либо общей мысли правоученія или догматики, или же даютъ такое негативное, избитое рѣшеніе поставленнаго въ началѣ проповѣди вопроса, что оно не удовлетворяетъ самыхъ непритязательныхъ слушателей... Преосв. Іоаннъ не занимается въ своихъ проповѣдяхъ изложеніемъ и раскрытіемъ общихъ истинъ христіанскаго ученія или повтореніемъ, лишь въ видоизмѣненной формѣ, общеизвѣстныхъ правилъ христіанской морали; у него, такъ называемое въ гомилетикахъ, частное содержаніе проповѣди беретъ перевѣсъ надъ общимъ, которое у него болѣе предполагается, нежели высказывается. А современные общественные вопросы у него служатъ не поводомъ только или риторической прикрасой проповѣди, но темой, предметомъ цѣлой проповѣди; рѣшая въ ней, съ свойственною ему глубиною мысли, тотъ или иной общественный или социальный вопросъ, онъ исчерпываетъ его вполне и аподиктически, не оставляя ничего недосказаннаго и невыясненнаго, не порождая въ умѣ слушателя никакихъ недоумѣній и сомнѣній... Способности формулировать современные религіозные вопросы и освѣщать ученіемъ евангелія обсуживаемые ораторомъ явленія современной мысли и жизни — по истинѣ можно поучиться нашимъ современнымъ проповѣдникамъ у преосвящ. Іоанна. Близко и, по видимому, непосредственно знакомый съ современными интеллектуальными и социальными интересами нашего общества, онъ какъ бы чутѣмъ отгадываетъ

потребность раскрытія слушателямъ въ данную минуту именно тѣхъ мыслей, которыя только еще направляются на уясненіе, находятся въ умахъ слушателей лишь въ видѣ смутныхъ и неопредѣленныхъ понятій, не имѣющихъ формы, но ожидающихъ уже, чтобы кто-нибудь нашелъ приличное слово для ихъ выраженія и уяснилъ ихъ сознанію слушателей. Преосвящ. Іоаннъ не только даетъ этимъ неопредѣленнымъ понятіямъ опредѣленную форму, облакаетъ ихъ въ точное слово, но объясняетъ ихъ смыслъ и значеніе, при помощи тонкаго психологическаго анализа выясняетъ слушателямъ ихъ собственное душевное состояніе, и затѣмъ указываетъ исходъ и направленіе ихъ дальнѣйшаго пути—по руководству церкви и по началамъ христіанскаго ученія.

Оригинальный, какъ всегда, въ выборѣ и постановкѣ предмета въ своей проповѣди, преосв. Іоаннъ въ настоящихъ поученіяхъ не менѣе оригиналенъ въ его раскрытіи и изложеніи. Отбросивъ рутинные, традиціонные приемы изложенія, какъ напримѣръ искусственное методическое расположеніе мыслей по отдѣламъ, уснащиваніе проповѣди текстами—такъ называемый библейскій (но не церковно-библейскій) обликъ проповѣди, нашъ проповѣдникъ вездѣ слѣдуетъ непосредственному и естественному теченію мыслей и излагаетъ ихъ общеупотребительною литературною рѣчью, по степени изящества и художественности не уступающую образцовымъ нашимъ духовнымъ и свѣтскимъ писателямъ.

Вообще мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что проповѣдническая дѣятельность преосв. Іоанна составляетъ не просто рѣзко выдающееся явленіе въ

новѣйшей исторіи нашего проповѣдничества, но и характеризуетъ собою начало новаго ея періода, отмѣчаетъ новую эпоху въ ея развитіи. Послѣ его словъ, намъ кажется, настоящая церковная проповѣдь, обращенная къ образованному обществу, не можетъ быть иною, какъ только такою, какою она является въ устахъ преосв. Іоанна, то есть, проповѣдію публицистическою, разъясняющею принципы христіанскаго міровоззрѣнія въ ихъ соприкосновеніи съ вопросами современной общественной и соціальной жизни.

Есть еще одна сторона въ изданныхъ г. Н. Б. поученіяхъ преосвящ. Іоанна, составляющая, какъ намъ кажется, характеристическую ихъ особенность въ сравненіи съ проповѣдями предыдущаго періода его проповѣднической дѣятельности: это—субъективный, лирическій элементъ въ нихъ. Въ этихъ автобіографическихъ отступленіяхъ проповѣдника, въ этихъ обращеніяхъ его къ своей личности, а также и къ слушателямъ отъ своего лица, въ этомъ отечески-фамиліарномъ тонѣ поученія — какъ нельзя болѣе уместныхъ въ властномъ отеческомъ тонѣ проповѣдника-архипастыря—есть что-то напоминающее лиризмъ бесѣдъ и словъ св. Григорія Богослова. Видно, что проповѣдникъ на этотъ разъ проповѣдуетъ не по оффиціи только, не по назначенію отъ начальства, а и въ слѣдствіе внутренней потребности высказаться, передать внимающей ему паствѣ свои задушевные, продуманные и прочувствованные идеи,—что онъ относится къ этого рода обязанностямъ своего пастырскаго служенія съ особенною охотою, съ любовью,—влагаетъ въ него свою душу... Человѣкъ, по установившемуся о немъ понятію, черствый и сухой,

строий отвлеченный мыслитель, преосвящ. Іоаннъ въ настоящихъ своихъ проповѣдяхъ неожиданно является челоѣкомъ теплой души, съ широко-развитыми симпатіями, съ нѣжностію и задушевностію чувства... Обыкновенно ничего нѣтъ труднѣе, какъ охарактеризовать большую часть нашихъ проповѣдей: до того онѣ безличны, безхарактерны, удивительно какъ похожи одна на другую, какъ солдаты, выстроенные въ шеренгу и одѣтые въ однообразный мундиръ;—словно въ старинной ложно-классической одѣ, въ каждой изъ нихъ «сперва прочтешь вступленіе, тутъ предложеніе.... а тамъ и заключеніе». Не таково впечатлѣніе, производимое проповѣдями преосвящ. Іоанна. Это тѣ изъ немногихъ нашихъ проповѣдей, въ которыхъ сказывается личность оратора, по которымъ можно воспроизвести черты его индивидуальности, открыть его задушевные симпатіи и антипатіи, опредѣлить содержаніе и характеръ его міровоззрѣнія...

Читатель легко убѣдится въ справедливости нашихъ замѣчаній, если прочтетъ рассматриваемую нами книгу съ тѣмъ вниманіемъ, какого она заслуживаетъ. Здѣсь мы можемъ привести лишь нѣсколько выдержекъ для нѣкотораго знакомства читателей съ проповѣдями преосв. Іоанна.

«Не правда ли, что васъ занимаетъ теперь мысль, съ чѣмъ пришелъ къ вамъ новый пастырь», говоритъ проповѣдникъ въ заключеніе первой своей вступительной бесѣды, сказанной при первомъ священнослуженіи въ каедральномъ соборѣ. «И вотъ я хочу сказать, что пришелъ съ древнимъ духомъ Руса православной. Не подумайте, что одинъ видъ здѣшней

стороны напоминает мнѣ этотъ духъ и обращать къ нему мои мысли и чувства; не думайте, что древняго духа ищу я въ одиѣхъ внѣшнихъ своеобразныхъ формахъ народной жизни, уже отжившихъ свой вѣкъ. Нѣтъ, я имѣю въ виду существенный, чистый духъ, самородный духъ древней Руси, независимый отъ преходящихъ условій времени и формъ, и называю его древнимъ потому, что онъ изначала жилъ на Руси и самобытно въ ней развивался преимущественно въ старинныя времена...» (стр. 7—8). «Опъ, этотъ духъ, всегда вѣрный самому себѣ, неизмѣнный въ своихъ коренныхъ началахъ вѣры и народности, невозмутимый въ своемъ національномъ сознаніи, непоколебимый въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ и совѣсти, которая изначала воспитана, утверждена и ограждена православною церковію, духъ этотъ и здѣсь, какъ повсюду въ Россіи, далъ всю нравственную и гражданскую силу небольшому сначала народу и направлялъ событія его исторіи къ его росту и единству... Что же нынѣ? Много-ли еще жизни въ этомъ духѣ? Много-ли его въ насъ осталось?... Да, онъ еще не умеръ; онъ еще живетъ въ народѣ, по наибольшей частію—въ корнѣхъ народнаго организма, въ неспорченной простотѣ народнаго быта, куда не доходило новѣйшее образованіе Россіи по чужимъ образцамъ, въ особенности куда не проникло еще недавнее у насъ направленіе образованныхъ умовъ и нравовъ. Вы знаете это направленіе: русское-ли оно? Много ли въ немъ русскаго духа?...» (стр. 9).

Съ такою ясностію и опредѣленностію выразилъ пресвященный проповѣдникъ основной принципъ своего міровоззрѣнія при первомъ же своемъ вступле-

ніи на епархіальную епископскую кафедру. Читатель видитъ, что этотъ его принципъ есть не что иное, какъ коренной догматъ такъ называемаго славянофильства, въ его первичной, архаической формациі. Москвичъ родомъ, выросшій и воспитывавшійся въ древней столицѣ въ то самое время, когда около С. Т. Аксакова и А. С. Хомякова группировалось тамъ все, что было въ ней интеллигентнаго, преосвящ. Іоаннъ не могъ не увлечься столь симпатичнымъ для челоѣка духовной школы религіознымъ направле-ніемъ тогдашняго славянофильства со всѣмъ жаромъ даровитой юности.... Этотъ славянофильскій принципъ, въ болѣе или менѣе онутительныхъ проявленіяхъ, можно прослѣдить и во всей предшествовавшей епископству преосв. Іоанна его проповѣднической и литературной дѣятельности; а сдѣлавшись самостоятельнымъ общественнымъ дѣятелемъ, въ качествѣ епархіальнаго архіерея, преосвященный не обинуясь полагаетъ его въ основу своей проповѣднической дѣятельности и остается ему вѣренъ во все дальнѣйшее ея продолженіе. Въ послѣдующихъ своихъ проповѣдяхъ, вездѣ, гдѣ представлялся ему случай, проповѣдникъ высказываетъ глубокую симпатію къ народу, и теплымъ, задушевымъ словомъ старается передать ее своимъ слушателямъ. Дума о народѣ, народномъ благѣ, народномъ образованіи, всякаго рода народномъ преспѣяніи, солутствуетъ ему неразлучно, о чемъ бы онъ ни разсуждалъ въ своей проповѣди. Говоритъ ли онъ о любви и единеніи духа между пастыремъ и пасомыми, онъ не забываетъ замѣтить, что «это—сила, сила нравственная, которая много можетъ сдѣлать и въ духовной и въ общественной

жизни и... *въ нравахъ народныхъ*». «Ничто не можетъ одолѣть этой силы, когда, твердая въ своихъ основаніяхъ, она идетъ вѣрнымъ путемъ къ цѣли *духовнаго развитія народа*» (стр. 2). Превосходную рѣчь, произнесенную въ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, онъ начинаетъ такъ: «...Пойдемъ за словомъ туда, откуда пришли и куда возвратятся эти воспитанницы: тамъ, въ темныхъ и тѣсныхъ избахъ, гдѣ виды людей не простираются далѣе насущнаго хлѣба, гдѣ наилучшее наслажденіе имъ доставляетъ видъ покрытаго хорошо уродившимся хлѣбомъ поля, гдѣ и пастырь духовный, какъ и овцы его, питаются отъ земли и отъ тѣхъ мелкихъ долей, какія изъ своихъ трудовыхъ копѣекъ удѣляютъ ему пасомые, — тамъ найдемъ, что думать и сказать относительно училищъ, подобныхъ здѣшнему» (стр. 35).

«День, который мы нынѣ празднуемъ», говоритъ проповѣдникъ въ одномъ изъ словъ на день восшествія на престолъ Государа Императора, «который съ началомъ настоящаго царствованія положилъ начало новому движенію жизни народной. стоитъ въ нашей исторіи какъ грань между прошедшимъ и настоящимъ Россіи, рѣзко раздѣляющая то и другое. Это движеніе, это начало новой жизни вызываетъ на размышленіе о судьбахъ русскаго народа. Широко поле историческихъ судебъ его, и когда обозрѣваемъ это поле, оно представляется намъ какъ поле пахатное, покрытое полосами, —которыя каждое царствованіе проводило въ жизни народа и засѣвало своими мыслями и дѣлами, а народъ пожиналъ ихъ. Теперь, на новой полосѣ, идетъ новая работа, уже не государственная только, а и народная, уже не съ тяже-

лымъ плугомъ прежнихъ временъ и не съ унылою пѣснью неволи, а съ бойкими звуками развивающейся жизни, и вырабатываетъ теперь русскій народъ дальнѣйшія судьбы для своихъ грядущихъ поколѣній. Какъ должна измѣниться жизнь Россіи, когда царствованіе, вѣрное своимъ началамъ и неизмѣнное въ своихъ идеяхъ, раскроетъ ихъ вполне, а народъ, подъ его водительствомъ, разовьетъ все свои силы!» (стр. 73—74).

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать хотя нѣкоторыя мѣста изъ слова въ день явленія смоленской иконы Божіей Матери,—хотя это слово заслуживало бы быть выписаннымъ все до послѣдней буквы. «Пройдите по всемъ концамъ Россіи: въ рѣдкомъ городѣ не найдете вы исторической, или чудотворной святыни, особенно чтимой мѣстнымъ населеніемъ. Вы увидите, какъ въ дни празднованія этой святыни поднимается все населеніе, мѣстное и окрестное, и даже отдаленное, и толпами, какъ волнами, приливаетъ къ ней,—какъ сельскіе жители несутъ свои послѣдніе трудовые гроши или скудные домашніе издѣлія своихъ рукъ, чтобы положить ихъ къ подножію святыни. Какая сила такъ привязываетъ народъ къ его святынѣ? Какое стремленіе движетъ тутъ духомъ народнымъ? Тотъ ошибется, кто припишетъ это только силѣ преданія, обычая; еще болѣе ошибется тотъ, кто все это отнесетъ къ одному народному суевѣрію. Мало ли въ народѣ преданій, обычаевъ? Да нѣтъ въ нихъ той души, какая видна въ усердіи народа къ святынѣ. Мало ли въ народѣ суевѣрій? Да нѣтъ въ нихъ той, душу успокоивающей, силы, какая здѣсь открывается... Посмотрите

на душу простую, необразованную, когда она спѣшитъ къ своей родной святынѣ и предъ ней изливаетъ свои чувства и желанія; вы увидите тутъ ясность мысли, спокойствіе преданнаго Богу сердца, твердость убѣжденія, безбоязненное упованіе. И выходитъ изъ-подъ сѣни святыни душа, ободренная въ мысляхъ, освѣщенная въ силахъ. Нѣтъ, это не суевѣріе! Это глубокая сила духа, сила нравственная, сила столько же религіозная, сколько и народная, народная не потому только, что принадлежитъ массѣ народа, но и потому, что основана на народной совѣсти, на убѣжденіяхъ народнаго духа... Укажите мнѣ силу, которая бы, безъ особенныхъ побужденій, безъ начальственныхъ распоряженій, безъ всякаго насилія, однимъ мановеніемъ могла двинуть народныя массы къ самымъ важнымъ и тяжкимъ подвигамъ, къ неодолимой борьбѣ со всякою противною силою, къ самымъ великимъ пожертвованіямъ... У другихъ народовъ такими силами нынѣ служатъ идеи прогресса, цивилизаціи, свободы; тамъ, подъ этими знаменами народныя массы движутся, волнуются, борются между собою. Покажите эти знамена нашему народу; онъ посмотритъ и спроситъ: есть ли на нихъ знаменіе креста? Нѣтъ?... Значитъ, скажетъ онъ, они не христіанскія. А вотъ мы воззовемъ къ народу во имя родной вѣры и святыни, и тогда нѣтъ силы, которая одолѣла бы нашъ народъ, нѣтъ жертвы, которой онъ не принесъ бы этимъ завѣтнымъ сокровищамъ и силамъ своей души и жизни... Люди, далеко стоящіе отъ народнаго быта, обыкновенно думаютъ, что въ религіи народа мало мысли и внутренней жизни, что его религія не болѣе, какъ об-

рядъ, видѣнность... Вотъ въ тѣхъ неразвитыхъ толпахъ, которыя особенно въ нѣкоторые дни стекаются въ нашъ городъ, видѣните вы въ побужденія, заставляющія ихъ оставлять свои дома, хозяйства и семейства и съ черствымъ кускомъ хлѣба, подъ зноемъ или дождемъ, идти сюда; вступите съ ними въ серьезныя бесѣды, вслушайтесь въ ихъ вздохи, жалобы и мольбы: сколько живаго сознанія, сколько серьезной мысли и жизни, внутренней, душевной жизни найдете у нихъ! Здѣсь смиренный, недовѣрчивый къ себѣ, разумъ повергаетъ предъ Богомъ тяготящій душу его вопросъ жизни, и темная мысль ищетъ свѣта; здѣсь растерзанное скорбями сердце проситъ отрады; здѣсь совѣсть, смущенная грѣхомъ, молитъ о благодатномъ прощеніи и мирѣ; здѣсь душа, не знающая въ мірѣ другой опоры для себя кромѣ Бога, въ чаяніи помощи Его, даетъ Ему свои простодушные обѣты; здѣсь рабочая рука, сама себѣ выработывающая дневной кусокъ хлѣба, поднимается къ небу, призывая благословеніе Божіе на свои тяжелые труды; словомъ, тутъ является и сказывается жизнь, сама жизнь, какъ она есть, во всей, ничѣмъ не прикрытой, дѣйствительности, жизнь не лживая, не искусственная, не праздная, со всѣми ея нуждами и задачами»...

Симпатіи нашего проповѣдника, впрочемъ, не ограничиваются народомъ, не изчерпываются его матеріальными и духовными нуждами. Съ такимъ же чувствомъ высокой христіанской любви, съ тѣмъ же глубокимъ пониманіемъ дѣла, обращается онъ и къ другимъ низменнымъ сферамъ человѣческаго существованія, умѣетъ понять и живописать матеріаль-

ную нужду бѣдняка—пролетарія, и изнемогшую больную душу измученнаго внутреннею душевною борьбою страдальца, и всякое человѣческое горе и нужду.

«Самая жалкая жизнь,—говорить, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ проповѣдникъ,—при всемъ ея внѣшнемъ ничтожествѣ, имѣетъ свое значеніе нравственное: и бѣднякъ имѣетъ духъ, слѣдовательно имѣетъ свою нравственную силу и свою долю участія въ общей жизни людей; его мысли, чувства, намѣренія, дѣйствія—все это отъ него такъ же, какъ и отъ другихъ, идетъ въ общую массу дѣлъ человѣческихъ, и онъ, какъ и всѣ, имѣетъ свои нравственныя отношенія къ другимъ, къ обществу, человѣчеству. Этого уже довольно, чтобы не считать его жизнь ничего незначащею. А что, если внутренняя жизнь бѣднаго еще богаче богатыхъ? Что, если подъ отrepьями и безъ куска хлѣба таится сила души, болѣе другихъ способная дѣйствовать въ мірѣ? И знаемъ мы, что изъ среды бѣдняковъ, почти умиравшихъ съ голода, выходили, и не слишкомъ рѣдко, великіе дѣятели въ умственной, нравственной, религіозной, общественной жизни народовъ. Тутъ внутренняя жизнь, ея сила духовная вступала въ открытую борьбу со внѣшнею жизнью, ея горькою долею, и—или торжествовала надъ нею и измѣняла ее къ лучшему, или падала жертвою борьбы, но и въ самой борьбѣ выказывала все богатство и величіе своихъ внутреннихъ силъ... Но есть сила въ мірѣ, которая и самую безсильную жизнь можетъ сдѣлать не напрасною и не безплодною: то — нравственная сила христіанства»... (стр. 26—27).

«Жизнь cadaго изъ насъ есть капля въ морѣ

жизни цѣлаго человѣчества. Наука открыла въ каждой каплѣ воды цѣлый міръ жизни: тутъ незримо для нашихъ глазъ вмѣщаются особые роды существъ, которыя рождаются, движутся, плодятся, совершаютъ свой кругъ бытія со всѣми естественными дѣйствіями и проявленіями жизни. То, что эта микроскопическая жизнь незамѣтна для нашего глаза, отнимаетъ ли у ней всякое значеніе въ мірѣ? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Такъ, внутри каждого человѣка, кто-бы онъ ни былъ, не всегда явно по наружности, тѣмъ не менѣе дѣйствительно, движется цѣлый міръ,—міръ мысли и чувства, желаній и страстей, добра и зла, радостей и скорбей... И тотъ, котораго жизнь ограничивается только насущными потребностями, и тотъ, котораго внутренней жизни никто другой не знаетъ и знать не хочетъ, и тотъ, котораго внутренняя жизнь представляется намъ слишкомъ мало развитою, чтобы придавать ей какое нибудь значеніе, и онъ все тоже, что и всѣ другіе, носитъ въ душѣ своей. Чего онъ не испытываетъ въ самомъ себѣ, какихъ мыслей и чувствъ, какой борьбы, какихъ бурь и страданій не перерабатываетъ въ душѣ своей! И если все это не имѣетъ значенія для другихъ, то очень важно для него самого: тутъ развивается его внутренній міръ, вырабатывается его личная судьба, его нравственное значеніе. А бессмертная душа, съ ея неумирающими потребностями? А образъ Божій въ человѣкѣ...? А благодать искупленія...?»

«Бываютъ тяжелыя минуты въ жизни человѣка—минуты душевнаго разлада. Душа болитъ разочарованіемъ жизни, сомнѣніями, тоскою, высказывается ропотомъ. Тогда жизнь теряетъ для человѣка всякое

значеніе; онъ самъ себя спрашиваетъ: зачѣмъ дана ему жизнь? Умъ, терзаемый всеотрицаніемъ, душа, волнуемая раздраженіемъ противъ жизни, сердце, опустѣвшее въ самомъ себѣ и охладѣвшее ко всему доброму, воля, ослабѣвшая въ своихъ нравственныхъ силахъ: какое ужасное состояніе! Тогда ядъ отчаянія начинаетъ проникать въ душу и угрожаетъ человѣку ужаснѣйшею смертію вдвойнѣ—нравственною и физическою. Что можетъ спасти тогда человѣка?... Вспомни онъ тогда, что онъ христіанинъ; сквозь мракъ своихъ думъ сойди съ поверхности жизни въ глубь своей души: тамъ скрытъ благодатный свѣтъ христіанства, тамъ примиришься съ жизнью и поймешь ея высокій смыслъ...»

Относясь съ глубокою любовію къ своему народу, обнаруживая такъ много пониманія его духовныхъ нуждъ, его національнаго темперамента и характера, свойствъ его внутренней жизни, нашъ проповѣдникъ чуждъ, однакожь, духа національной исключительности и замкнутости, и едва-ли будетъ справедливымъ тотъ, кто вздумалъ бы упрекнуть преосв. Іоанна въ такъ называемомъ квасномъ патріотизмѣ. «Какія судьбы вдали ожидаютъ Россію?» спрашиваетъ онъ въ одной изъ проповѣдей. «Не дано намъ видѣть будущее. Но *каждый народъ, кромѣ мѣстной своей судьбы, имѣетъ участіе въ судьбахъ другихъ народовъ, и еще далѣе—въ судьбахъ всею челоѣчества. Не здѣсь-ли, въ этихъ судьбахъ общечелоѣческихъ, надобно искать разрѣшенія народныхъ судьбъ?*... Русскому народу болѣе, чѣмъ всякому другому, открытъ путь во всю высоту и широту міровыхъ судьбъ, потому что ни у одного народа святыни вѣры не соединяется съ такимъ народнымъ мо-

гуществомъ и съ такою историческою сплюю, какъ у русскаго. Великія судьбы ожидаютъ Россію и въ собственной ея жизни, и въ цѣломъ мірѣ, если она пойметъ свое призваніе, не забудетъ его, и не дастъ сбить себя съ этого пути». И затѣмъ проповѣдникъ, съ свойственнымъ ему глубокомысліемъ и пониманіемъ дѣла, въ большей части настоящихъ поученій, философствуетъ, съ точки зрѣнія вѣрующаго христіанина, о разныхъ вопросахъ общевропейской публицистики и общечеловѣческаго міросозерцанія: объ основныхъ общихъ законахъ жизни народовъ (стр. 74—83), о свободѣ политической и гражданской, о свободѣ совѣсти и мысли, о женской эмансипаціи, о принципахъ суда, объ условіяхъ истиннаго человѣческаго счастья, о законахъ нравственной жизни человѣка, о характерѣ современныхъ лжеученій и проч.

Здѣсь мы должны замѣтить, что, дѣлая современность главнымъ предметомъ своей бесѣды, проповѣдникъ большею частію является ея обличителемъ, — въ особенности обличителемъ невѣрія и отрицанія, почерпаемыхъ изъ фельетонныхъ глумленій и нѣкоторыхъ иностранныхъ книгъ легкаго содержанія. Но обличеніе его такъ элегически-мягко, въ немъ столько научной компетентности, такое богатство знаній по всемъ отраслямъ вѣдѣнія, столько искренности, правдивости, безпристрастія и серьезнаго достоинства, что едва-ли самый притязательный свободный мыслитель рѣшится упрекнуть его въ чемъ либо похожемъ на обскурантизмъ. Нашъ проповѣдникъ — не столько обличитель, въ строгомъ смыслѣ этого слова, современныхъ аномалій въ области мысли и уклоненій отъ нравственнаго христіанскаго идеала, расточающій ие-

реміады и укоризны, сколько апологетъ *христіанскихъ основъ жизни*, выясняющій истинный духъ церкви въ ея отношеніяхъ къ современной жизни, — глубокоученый богословъ, близко и непосредственно знакомый съ современными научными доктринами и проникающій въ ихъ суть. Проповѣдника печалитъ не прогрессивный характеръ современности, за который, въ принципѣ, онъ самъ твердо стоитъ, и которому, говоря вообще, глубоко сочувствуетъ, а то, что «страшная быстрота и шумъ движеній современнаго міра, на всѣхъ парахъ несущагося по новопроложеннымъ путямъ своихъ стремленій въ саморазвитію умственному, нравственному и общественному, независимому ни отъ какаго, хотя бы и высшаго, авторитета истины и нравственности, не даетъ ему ни слышать голоса церкви, ни остановиться въ ея предѣлахъ. Въ быстротѣ и шумѣ его стремленій церковь кажется ему слишкомъ неподвижною, слишкомъ безжизненною, наполненною образами древнихъ временъ, уже потерявшими для новаго времени свое значеніе и силу плодотворную» (стр. 65) ⁽¹⁾, — между тѣмъ какъ «сре-

(1) При чтеніи этого мѣста въ проповѣди пресв. Іоанна намъ невольно припоминается превосходная характеристика отношеній современной науки къ вѣрѣ и церкви, какую находимъ въ предисловіи Ю. Ѳ. Самарина къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова (стр. III и слѣд.). „Подъ вліяніемъ направленія, даннаго на западѣ, наука смотритъ на вѣру свысока, какъ на пережитую форму самосознанія, изъ которой человечество должно выбиваться на просторъ. Временная необходимость вѣры, ея условная законность, какъ одного изъ моментовъ безначальнаго и безконечнаго развитія чего-то саморазвивающагося, не оспаривается; но этимъ же признаніемъ за нею нѣкотораго значенія заявлялась и ея ограниченность, какъ преходящей формы, которою это *ничто* не могло удовлетвориться навсегда, и пр. Какъ удивительно могутъ совпадать частныя мысли, самыя выраженія у двухъ писателей, вовсе незнакомыхъ между собою, какъ скоро въ своемъ міровоззрѣніи они выходятъ изъ однихъ и тѣхъ же началъ!

ди хаоса мнѣній, ни въ чемъ еще не утвердившихся, неясныхъ и неопредѣленныхъ, среди вольномыслія, лжемыслія въ самыхъ важнѣйшихъ вопросахъ человѣческаго духа, среди общаго броженія умовъ, все колеблющаго, но еще ничего не создаващаго, гдѣ умъ благомыслящій найдетъ утвержденіе и огражденіе, умъ колеблющійся—опору, умъ заблуждающійся—путь истины, гдѣ самая истина можетъ имѣть убѣжище и надежную охрану, какъ не въ церкви,—тѣсномъ союзѣ вѣрующихъ, для того и основанномъ, чтобы быть хранилищемъ чистой христіанской истины?»

Но мы никогда бы не кончили, если бы вздумали выписывать все, что есть прекраснаго въ проповѣдяхъ преосвящ. Іоанна. Наша цѣль въ настоящемъ случаѣ будетъ вполне достигнута, если читатель возьметъ въ руки книгу, изданную г. Н. Б.: онъ прочтетъ ее, мы увѣрены, отъ первой страницы до послѣдней и испытаетъ все то наслажденіе, какое свойственно человѣку испытывать при изученіи художественныхъ произведеній человѣческаго слова, составляющихъ плодъ зрѣлой и глубокой мысли. Въ области церковной проповѣди намъ давно—давно, можетъ быть со временъ Иннокентія, не доводилось читать что либо подобное бесѣдамъ преосв. Іоанна.

Въ предисловіи, которое предпосылаетъ самымъ проповѣдямъ издатель настоящаго сборника, онъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о проповѣднической дѣятельности преосв. Іоанна въ Смоленскѣ. Прибытію новаго архипастыря въ Смоленскъ предшествовала громкая слава о его многостороннемъ образованіи и высокомъ проповѣдническомъ талантѣ. «Но нужно признаться, замѣчаетъ почтенный издатель, мы не могли представить себѣ, на какую

высоту созерцанія можетъ восходить умъ; просвѣщенный наукою..., съ какою легкостію онъ въ состояніи бываетъ овладѣвать вопросамъ вѣры и жизни и съ какою силою мысли и изяществомъ слова можетъ отвѣчать на нихъ». Проповѣдь преосв. Іоанна превзошла самыя смѣлыя ожиданія его слушателей, и чѣмъ болѣе они слушали ее, тѣмъ болѣе возбуждала она ихъ вниманіе, тѣмъ болѣе поражала ихъ глубиною мысли оратора, свѣтlostію и широтою его взглядовъ, ясностію пониманія современныхъ вопросовъ и потребностей общества и неподражаемымъ искусствомъ удовлетворять этимъ потребностямъ...

Владѣя даромъ слова какъ немногіе, преосвящ. Іоаннъ тѣмъ не менѣе всегда готовился къ произнесенію проповѣди заблаговременно, всегда напередъ тщательно обрабатывалъ ее: примѣръ достойнаго подражаемаго для нашихъ проповѣдниковъ! Готовясь къ выходу на кафедру, преосвященный обыкновенно надѣвалъ одну и ту же митру—бѣлую съ золотою сѣткою, которую его слушатели поэтому прозвали: «шапка—говорунъ». Никакихъ другихъ приготовленій предъ выходомъ его на кафедру не дѣлалось, аналогія не ставилось: когда наставало время говорить поученіе, преосвященный выходилъ изъ алтаря, бралъ въ лѣвую руку архіерейскій посохъ, становился на амвонъ и говорилъ не громко, но ясно, плавно, спокойно, безъ особенныхъ интонацій, такъ что проповѣдь его, по способу произнесенія, походила на безыскусственную домашнюю бесѣду; но она шла безостановочно, пока ораторъ не прерывалъ ее какою нибудь вопросомъ, который какбы задавать слушателямъ для размышленія на будущее время.

Н. Барсовъ.